

Ранним утром над горой Сюйшань поднялся густой дым.

Люди суетились, бегая по горе и нося туда-сюда тазы, наполненные водой. Неизвестно, сколько времени пролетело, но задымление, наконец, прекратилось.

- Отпусти меня, дай мне избить этого негодяя! - отчаянно борясь, прокричал Ду Юэфэй, прокопченный до черноты, отчего его практически невозможно было узнать.

Ло Синь удерживал его одной рукой:

- Успокойся уже.

- А я не могу успокоиться! - вскочив на ноги, воскликнул Ду Юэфэй. - Мне пришлось положить целых полгода усердных трудов на то, чтобы вырастить эти травы! А он просто их сжег!!!

- Он сказал тебе успокоиться, потому что тебе не победить этого негодника, Хань Чаншэна, - держась за грудь, холодно произнес стоящий в стороне Хуа Сяошун.

Ду Юэфэй:

- ...

В следующее мгновение Ду Юэфэй с унылым видом опустился на корточки. Он вытер лицо и пробормотал:

- С того самого дня прошел месяц, а нам уже никакой жизни не стало. Этот мелкий сопляк ходит из двора во двор и поджигает все, что захочет. Чего он пытается этим добиться?

Этим утром Хань Чаншэн с охапкой слегка влажной соломы пробрался в комнату с лекарственными растениями Ду Юэфэя, где и поджег ее. Из-за влаги солома не загорелась, но напустила настолько много дыма, что все диковинные цветы и растения, которые так старательно выращивал Ду Юэфэй, безнадежно увяли.

Гу Минсяо с защемившим сердцем сказал:

- Он даже побрил головы моим кошкам. Став некрасивыми, некоторые из самых прекрасных кошек получили душевную рану. Теперь они целыми днями прячутся, отказываясь с кем-либо встречаться. Я так переживаю, что больше ни есть, ни спать не могу.

Ло Синь без всякого выражения на лице произнес:

- Он выкрал секретные манускрипты, которые мы использовали для обучения, и использовал их вместо дров, чтобы поджарить себе голубей. К счастью, я помню наизусть все уничтоженные им манускрипты. Я сделал копии и, ничего ему не сказав, спрятал их от него.

Хуа Сяошуан холодно усмехнулся. Хань Чаншэн не беспокоил его, но в последнее время постоянно говорил при нем то, о чем не следовало упоминать. После гибели бывшего Владыки Зала Хуа Хань Чаншэн не распускал свой язык, отказываясь упоминать о нем при Хуа Сяошуане, и даже всей секте приказал не говорить больше о нем, не желая причинять боль его сыну. Но в последнее время он стал частенько поминать старика. Этим утром он нарочно отправил Хуа Сяошуану кило жареных каштанов с сахаром, а затем ахнул, заметив, что бывший глава зала Хуа больше всего любил жареные каштаны. А Хань Чаншэн как-то раз тайком подменил его жареные каштаны с сахаром на нечто из крысиных какашек и воды, которой мыли ноги. После этого его отец полгоры гнал за мелким негодником.

- Как думаете, сколько еще глава секты будет валять дурака? - с раздражением спросил Ду Юэфэй. - Неужели мы просто позволим ему продолжать в том же духе?

Гу Минсяо с нежной улыбкой на губах произнес:

- Ты по-прежнему способен готовить лекарства. Даже если тебе не дано победить его в бою, разве ты не сможешь придумать другой способ управиться с ним?

Ду Юэфэй удивленно застыл:

- О чем это ты?

Гу Минсяо улыбнулся еще нежнее:

- Я подсунул кошачье добро в его любимый чайник для чая и любимые туфли.

Хуа Сяошуан пожал плечами:

- Я сделал точную копию "жареных каштанов в сахаром", которыми он накормил моего отца, и пригласил его ими полакомиться.

Ду Юэфэй представил себе это и содрогнулся.

Ло Синь схватился рукой за лоб:

- Парни, вы... Я просто швырнул ему прямо в лицо этих жареных голубей.

На какое-то время все четверо погрузились в молчание, а затем Хуа Сяошуан вздохнул:

- Я до сих пор не понял, по какой причине он так поступает, но догадываюсь, чего добивается.

Остальные трое одновременно на него посмотрели.

А тем временем Лу Цинцянь и Лу Байби находились во дворе Хань Чаншэна.

- Глава, зачем вы дважды продырявили мою любимую одежду? - щеки на розовом личике Лу Цинцяня до предела надулись. Он расправил одежду, которую держал в руках, открыв две дырки на груди. Забавно, но если бы он облачился в нее, у него напоказ оказались бы выставлены оба соска.

Лу Байби улыбался настолько прекрасно и солнечно, что мог бы мертвого из могилы поднять:

- Мастер, это вы выбросили в реку мою любимую бамбуковую подушку?

Эта подушка была при нем с самого детства. От нее исходил аромат молока. Он ее даже стирать не желал и всегда брал с собой, когда куда-нибудь выходил, иначе не смог бы толком поспать.

Хань Чаншэн постучал себя пальцем по лбу, чувствуя подступающую головную боль. Он думал, что труднее всего ему придется с Владыками Залов, в особенности с мозговитым Хуа Сяошуаном и злопамятным Гу Минсяо, но он совершенно не ожидал, что до его правого и левого стражей им окажется далеко. Спустя месяц четверо Владык Залов просто попрятались от него, больше не собираясь перед ним появляться, но Лу Цинцянь и Лу Байби совершенно не изменились.

Само собой, Лу Цинцянь и Лу Байби по мелочности ничем не уступали ему. Стоило кому-нибудь их обидеть, и это становилось самым ужасающим воспоминанием из жизни преступника, но к Хань Чаншэну это не относилось. Неважно, сколько гадостей он им делал, Сяо Цин и Сяо Бай никогда не думали плохо о нем, а просто приходили, чтобы напрямую его об этом спросить. А когда они его так допрашивали, он непременно должен был сказать им причины, сподвигшие его на этот поступок. Он даже нарочно выдал несколько нелепых причин, вот только не ожидал, что эта парочка дурачков примет все, чего бы он ни сболтнул.

Как они вообще умудрились поверить, что, съев цзинь острого перца, эти двое смогут обрести такие же навыки, как у него? В итоге их рты настолько распухли, что они полмесяца не чувствовали вкуса пищи, и при этом не добились ни малейшего прогресса по части навыков. А все почему? Потому что память его подвела!

Почему он соврал, сказав, что на горе есть странная зверюха, жившая сотни лет и появившаяся на вершине горы, когда они родились? Из-за этого они на много дней лишились

сна, постоянно стоя на страже. Наконец, они изловили маленького мышонка и принесли к себе домой, собираясь сделать своим питомцем. После этого они обращались с ним, будто с сокровищем, пока одна из кошек Гу Минсяо не приняла его за еду, из-за чего они на много дней загрузили. А все почему? Да потому, что он опять неправильно вспомнил!

Почему он обманывал их снова и снова, пока до них наконец не доходило, что их провели? Все потому, что в последнее время у него дырявая голова, и он постоянно вспоминает что-то не так!

Но всякий раз, когда Хань Чаншэн что-нибудь им говорил, Лу Цинцян и Лу Байби продолжали свято верить его словам. Они не держали на него ни малейших обид, к тому же уже на следующий день совершенно забывали о том, почему испытывали недовольство.

Хань Чаншэн нахмурился и решил на этот раз больше не придумывать оправданий:

- Никакой причины здесь нет, это просто меня осчастливило!

И Лу Цинцян, и Лу Байби одновременно застыли от потрясения. Они переглянулись друг с другом. Затем Лу Цинцян обиженно прикусил губу с таким видом, будто вот-вот ударится в слезы:

- Мастер, вы больше не любите нас?

Чувствуя тяжесть на сердце, Хань Чаншэн сделал вид, будто это его ни капельки не волнует:

- Как бы это сказать... скорее я никогда вас не любил~~. Ах! - на последнем слова его голос сам собой задрожал.

Эта фраза была ужасна. Не в силах поверить своим ушам, Сяо Цин и Сяо Бай почувствовали себя одуроченными, и их четыре глаза прямо на месте наполнили крупные слезы.

У Хань Чаншэна снова голова разболелась. Не переборщил ли он? Нет, не особо. Он должен поскорее заставить их сдаться! Это куда лучше, чем умереть!

- Почему вы плачете? - со по-тигриному свирепым выражением на лице спросил Хань Чаншэн. - Не плачьте! Я... я отправлю вас на задание!

- Нет! - Лу Цинцян вытер глаза и с силой топнул ногой.

Лу Байби в ярости фыркнул, отчего ему стало еще сильнее не по себе. Глава секты с самого детства твердил, что любит их больше всех. С детства он восемьсот раз повторял эти слова! Должно быть, это некий лисий дух, встреченный главой у подножья горы, заставил его

изменить свое мнение!

- Если вы выполните это задание... - тихо заговорил Хань Чаншэн, - я вас полюблю, хорошо?

Лу Цинцян и Лу Байби по-прежнему казались обиженными. Но они тайком краем глаза глянули на Хань Чаншэна, явно ожидая, что тот станет умамливать их.

- Я прикончил главу и десяток лучших убийц секты Иньюэ, - сказал Хань Чаншэн. - В их секте осталось более сотни убийц. Сейчас эта секта подобна дракону без головы. Но с вашей помощью я смогу заново собрать секту Иньюэ, заставив ее подчиняться всем приказам секты Тяньнин. Все, кто откажется подчиняться, будут убиты прямо на месте!

- А разве это не займет уйму времени? - надулся Лу Цинцян.

"Еще как займет!" - подумал Хань Чаншэн, а вслух произнес:

- Чего вы боитесь? Если не поторопитесь, то у вас вообще на это годы уйдут. Но вы не спешите, делать нужно все постепенно. Я составлю для вас подробный план, а затем вы выполните мое задание и вернетесь сюда.

На данный момент оставалось еще три месяца до срока, обозначенного Лу Хунхуа, после чего все герои мира боевых искусств соберутся на горе Куньлунь, чтобы поприветствовать нового главу альянса Улинь. Через три месяца главой альянса Улинь станет Ань Юань. Сяо Цин и Сяо Бай еще успеют покинуть гору Сяюшань.

Лу Цинцян и Лу Байби переглянулись. Хань Чаншэн уже отправлял их для выполнения множества прочих заданий, но те были довольно просты. Окажись они чуть более сложными, и их поручали Владыкам Залов. Они испугались, что не смогут справиться с этим заданием. Оно походило на большую проблему.

- Ладно, порядок, а теперь возвращайтесь к себе, - сказал Хань Чаншэн. - Я собираюсь вздремнуть, больше не беспокойте меня!

Хань Чаншэн выставил Лу Цинцяня с Лу Байби, отчего те расстроились.

Вскоре после их ухода у него появился Хуа Сяошуан.

- Я тут услышал, что вы решили отправить Сяо Цина и Сяо Бая выполнять задание за пределами нашей горы? - едва войдя, Хуа Сяошуан сразу же перешел прямо к делу.

- И что с того? - спросил Хань Чаншэн.

Хуа Сяошуан улыбнулся:

- Если уж речь зашла о секте Иньюэ, я тут кое-что вспомнил. Не вы ли собирались стать главой альянса Улинь? Спустя два месяца вам нужно будет отправиться на гору Куньлунь, верно?

Ранее, пытаясь отвлечь Хуа Сяошуана, Хань Чаншэн соврал ему, сказав, что сам планирует стать главой альянса Улинь. Конечно, такое было бы невозможно. Он просто прокладывал путь Ань Юаню. Теперь оставалось лишь подождать, и дело будет сделано.

- Не о чем беспокоиться, - непринужденно сказал Хань Чаншэн.

- Помнится, тот человек по фамилии Лу сказал, что, кроме уничтожения сил, творящих злые дела в Цзянху, следует получить жетоны от трех человек, - проговорил Хуа Сяошуан. - Я уже как-то раз спрашивал вас о них, и вы сказали, что у вас имеются все, но вы никогда нам их не показывали. Если возникнут какие-нибудь затруднения, вы всегда можете рассказать нам. В конце концов, вы глава нашей секты. Разве мы не всегда готовы выполнить любой ваш приказ?

Хань Чаншэн продолжал вести себя так, словно его ничто не тревожило:

- У меня уже все есть, не волнуйся об этом.

Наблюдавший за выражением его лица Хуа Сяошуан еще шире заулыбался. Он медленно произнес:

- Это хорошо. Вы уничтожили секту Иньюэ, и множество людей в Цзянху завидуют вам. Даже завидуя вам за их уничтожение, эти люди никогда б и представить себе не смогли, что в действительности человеком, совершившим все эти добрые дела, является внушающий им такой ужас глава демонической секты.

- Что? - Хань Чаншэн уловил главную мысль, что содержалась в его словах, и нахмурился. - Я уничтожил секту Иньюэ?

Хуа Сяошуан приподнял бровь:

- А разве не так? После прощания с вами я не спешил возвращаться и провел там еще полмесяца, чтобы наверняка убедиться, что эта новость дошла до ушей каждого человека в Цзянху.

Хань Чаншэн на миг потрясенно застыл, а затем с крайним недоверием повторил:

- Я уничтожил секту Иньюэ?! Я?! - он же явно все рассчитал, сделав так, чтобы Ань Юань продемонстрировал всему честному народу голову главы секты Иньюэ и кучку жетонов ее

убийц.

Хуа Сяошуан кивнул:

- Ага. Чтобы оказать посильную помощь в воплощении в жизнь вашего великого плана, отправившись распускать остатки секты Иньюэ, я принялся повсюду нахваливать вас и прославлять имя Ли Цзюлуна. Не знаю, что там пошло не так, но поначалу многие люди считали, будто это Ань Юань был тем великим героем, избавившим мир от секты убийц. Однако вскоре после вашего ухода изловили Ло Ни. И тот признался, что уничтожение секты Иньюэ никак не связано с Ань Юанем, и это исключительно ваша заслуга.

Хань Чаншэн громко ахнул и вскочил со своего кресла. Но откуда ж ему было знать, что Ло Ни затаил ненависть к Ань Юаню за то, что тот убил его любимую обезьяну. Ло Ни тоже знал, что уничтожение секты Иньюэ напрямую связано с выборами нового главы альянса Улинь, поэтому ни за что бы не допустил, чтобы подобная заслуга отошла Ань Юаню. Вот почему он взял и принялся нахваливать Хань Чаншэна.

- Что это с вами? - спокойным и непринужденным тоном поинтересовался Хуа Сяошуан. - Почему вы выглядите таким удивленным? Разве это не часть вашего плана?

Хань Чаншэн же весь залился холодным потом. Дело было плохо. Даже если у Ань Юаня окажутся на руках все три памятных подарка, без значительного вклада в уничтожение злых сил ему не удастся выполнить все условия, поставленные Лу Хунхуа. Но что он мог поделать с этим сейчас?

<http://bllate.org/book/14818/1320240>